

В рядах бойцов революции

У одной из витрин Центрального музея Советской Армии в Москве стояла группа посетителей, с интересом рассматривая какой-то предмет под стеклом. Я подошел. В витрине лежала барашковая солдатская папачка царских времен. На табличке, лежащей рядом, указывалось: «Папачка, принадлежавшая рядовому 3-го корпусного сибирского воздухоплавательного отряда Н. В. Ерушеву — участнику штурма Зимнего дворца, делегату II Всероссийского съезда Советов».

— Интересно, жив ли сейчас этот солдат? — спросил молодой рабочий в железнодорожной куртке.

— Жив и здоров, — ответил экскурсовод. — Старый коммунист Николай Васильевич Ерушев теперь пенсионер, а живет он здесь, в Москве, на Сретенке.

Я решил побывать у Ерушева, поговорить с ним.

И вот я у него в гостях. Несмотря на свои шестдесят с лишним лет, Николай Васильевич бодр, жизнерадостен. Начиная разговор со мной, он достал из ящика буфета большой альбом, перевязанный тесемочкой, начал перебирать пожелтевшие от времени фотокарточки, грамоты, справки, газетные вырезки. О многом напомнили ему эти реликвии...

Деревенский парень Николай Ерушев учился немного: всего два года в церковной школе. А учиться ему очень хотелось. Особенно увлекало его рисование. Товарищи удивлялись тому, как он быстро набрасывал какой-нибудь деревенский вид или портрет товарища. Николай мечтал стать художником. Но у отца не было на учебу денег. Думали, что лучше пойдет жизнь на Атазе, куда семья переселилась с Новозыбья, но и тут работы было мало. Лучшие земли в селе Буранове принадлежали кулакам. С четырнадцати лет Николай — крепкий деревенский парень — был вынужден пойти работать в сельскую кузницу молотобойцем.

До армии Ерушев мало разбирался в жизни, не понимал, почему одни живут плохо, другие хорошо. Это стало доходить до него уже на службе в сибирском воздухоплавательном отряде, стоявшем в сопках

около Владивостока. Глаза на жизнь открывали ему солдаты-большевики, работавшие до армии на заводах крупных центральных городов.

В 1914 году, с началом империалистической войны, отряд перевели на западный фронт. Три года Ерушев, как и другие солдаты, провел в сырых окопах, переносил голод и холод. Война осточертела всем. В феврале 1917 года царя прогнали, но буржуазное Временное правительство не кончало войны, требовало вести ее до победного конца. Это возмущало солдат.

После Февральской революции в отряде была создана большевистская организация. В нее вступили и Ерушев. Солдаты-большевики развернули большую работу: разъясняли большевистские листовки, проводили коллективные читки солдатской газеты «Окопная правда», устраивали митинги. На митингах раздавались призывы к свободе, к прекращению войны. Своим влиянием солдаты-большевики из воздухоплавательного отряда распространяли и на соседние пехотные части, где народ был менее грамотным.

Осеню фронтовики выбрали делегатов на Второй Всероссийский съезд Советов, который должен был состояться вскоре в Петрограде. На собрании в отряде была названа фамилия Ерушева. Эту кандидатуру поддержали и соседние части. В середине октября Ерушев вместе с унтер-офицером из ближнего гарнизона поехал в Петроград. У каждого под полдалькой шнели были спрятаны листки резолюций, принятых на солдатских собраниях и митингах, которые служили наказом для фронтовых делегатов.

Главной заботой Ерушева и его товарищей было не попасться на глаза заградительным отрядам буржуазного правительства, которые рыскали по станциям. Правда, у него было с собой поддельное отрядное писарем «Командировочное удостоверение», в котором значилось, что он едет «по делам службы», но все равно безопаснее было ехать не в вагоне, а на буферах или на крыше теплушки.

Приехали они в Петроград 19 октября. В Смольном, в комнате на первом этаже,

зарегистрировались, получили делегатские мандаты. Привезенные резолюции здесь посоветовали передать в редакцию большевистской газеты «Рабочий путь» (так называлась в те дни «Правда»). Так они и сделали.

Николай Васильевич отыскал среди бумаг листок — копию резолюции, принятой на собрании его отряда и напечатанной в «Рабочем пути» 26 октября. В ней солдаты протестовали против империалистической политики Временного правительства.

Делегатов-фронтовиков устроили жить в Смольном, где находился большевистский штаб. На третьем этаже в длинном полутомном коридоре вдоль стен были поставлены нары, на которых и разместились фронтовики. В преддверии дня Смольный напоминал встревоженный улей. Двери не закрывались: в здание группами и в одиночку шли вооруженные рабочие-красногвардейцы, матросы, солдаты.

Открытие съезда задерживалось. За эти дни Ерушев успел сходить в Русский музей: уж очень хотелось ему, художнику-самоучке, посмотреть полотна знаменитых русских и зарубежных мастеров. Но отлучаться надолго нельзя: вдруг понадобятся.

Так и получилось. Как-то его й еще одного делегата-фронтовика вызвали в военную организацию большевиков, размещавшуюся тут же, в Смольном.

— Мы имеем задание от Владимира Ильича Ленина, — сказал председатель этой организации Н. И. Подвойский, — узнать, какие вражеские силы находятся в Адмиралтействе, охраняют Зимний дворец. Вы согласны отправиться в Адмиралтейство на разведку?

— Согласны, — ответил Ерушев. Он гордился тем, что будет выполнять задание самого товарища Ленина.

— А сумеете выкрутиться, если попадетесь? — испытывал председатель.

Ерушев сказал, что у него есть надежная командировка.

— Вот и хорошо, командировка может помочь, — заметил Подвойский.

Оставили они у секретаря документы и отправились к Зимнему. По пути Ерушев

упорно думал над тем, как проникнуть в Адмиралтейство. Лучше всего, пожалуй, прыгнуть на простоватом солдатиком, не знаящим что к чему. Товарищ одобрил такую мысль. Но двоим пробраться в стан пражу трудно, и Ерушев предложил унтер-офицеру подождать его за углом.

Выйдя на площадь, Ерушев увидел у входа в Адмиралтейство группу офицеров, приписывавших от морозца. Обернувшись на себя внимание, он сел на выступ дома, стоявшего напротив, развязал котомку, достал кусок хлеба с салом и, пережевывая, принялся за еду. Закончив трапезу, опять старательно помолился так, чтобы это видели охранники, забитыно собрал крошки, завязал сумку и направился через площадку к Адмиралтейству. Подойдя, поклонился, попросил напиться.

— А кто ты такой? — спросили его охранники.

— С фронта я буду, а сам из Сибири, Барнаульского уезда, — ответил Ерушев.

Офицеры стали наперебой расспрашивать его о фронтовых делах. Солдат умело отвечал, говорил, что фронтовики: воюют, как велел Керенский, а вот здесь, в Петербурге, вроде неполадок в войсках. Охранники начали носить большевиков, что будто это они мутят воду. Словом, Ерушев вошел к врагу в полное доверие. Двое офицеров взяли его под руки и повели в здание. Навверху в коридоре стояли группами охранники.

— Что, шпиона ведете? — спрашивали они офицеров.

— Нет, это солдатик с фронта, — отвечали они на ходу.

Ерушева завели в столовую. Все тут блестяло, отливало золотом. Его усадили за стол.

— Этому солдатiku дать две порции, — распорядился офицер.

Ерушев принялся за еду. В это время раздался звонок к обедам. Зал столовой стал наполняться людьми.

«Вот и хорошо. Соберутся, и будет ясно, сколько тут все их», — думал про себя Ерушев.

После пения молитвы начался обед. Ерушев окунул взглядом зал: тут было человек 500. Он решил, что всего охраны в Адмиралтействе не более 600 человек. Об этом, вернувшись, и доложил.

Как и многие делегаты, прибывшие с фронта, Ерушев был направлен в сводный

отряд, готовивший брата Зимний. Во дворе Смольного солдаты, матросы, красногвардейцы получили винтовки, патроны, гранаты. Так что на первом заседании съезда Николаю Васильевичу быть не доведется. Прежде чем попасть на съезд, он добывал в царском дворце.

Отряд, в который был включен Ерушев, в ожидании сигнала стоял на Петроградской стороне, у Народного дома. Вечером стало известно, что восставшие уже захватили государственный банк, министерства, вокзалы, почту, телеграф. Каждый в своем отряде понимал, что вот-вот начнется штурм Зимнего. Бойцы видели, как слегка покачивалась на волнах «Аврора», слышали доносившиеся с крейсера разговоры.

Вечером раздался залп «Авроры». Одновременно затрещали пушки Петропавловской крепости. В темное небо взвилась ракета. С криком «Ура!» красногвардейцы, солдаты и матросы пошли в атаку. С обеих сторон началась частая стрельба...

Зимний дворец был сильно укреплен, у подхода к нему высились баррикады, тут и там стояли пулеметы. Защищали дворец казаки, юнкера, офицерские отряды, белогвардейский женский батальон. Перед восставшим Временным правительством пыталось подняться еще войска, но это ему не удалось: большевистские комиссары и агитаторы встречали шпелюны на пути в Петроград и убеждали солдат переходить на сторону восставшего народа.

Враг упорно сопротивлялся, несколько раз отбивал атаки. Противник вел огонь из-за штабелей березовых дров, уложенных перед зданием Зимнего, из окон дворца. Только к половине третьего Зимний дворец был взят штурмом. Сводный отряд, в котором действовал Ерушев, шел во втором эшелоне. Когда он подходил к Зимнему, мимо проследовал конвой, сопровождавший в Петропавловскую крепость арестованных министров Временного правительства. Конвой больше заботился о том, чтобы отградить арестованных от восставшего народа, угрожающего гудевшего вокруг.

Николай Васильевич хорошо помнит минуты, когда он вместе с бойцами отряда с винтовкой наперевес ворвался во дворец. После короткой схватки на лестницах, в коридорах враг прекратил сопротивление. Дворец сразу же наполнился народом. Солдаты, матросы, рабочие растеклись по всем

1.050 комнатам и залам, чтобы выловить спрятавшихся врагов. В одной из дальних комнат Ерушев с группой красногвардейцев захватил десятка полтора забаррикадовавшихся юнкеров. Отдельные из них пытались стрелять, но Ерушев поднял над головой гранату, зло сверкнул глазами, и юнкера сдались.

Возвращаясь обратно, он видел, как сорвав в одном из залов портрет царя, красногвардейцы яростно кололи его штыками. А какой-то матрос зывал всех в залу направо, приглашал посмотреть царский трон. Ерушев поспешил туда: интересно посмотреть, где восседал царь. Когда он зашел в залу, там раскатывался смех: рабочий в ватнике, опоясанный пулеметными лентами, сидел на троне — резном высоком кресле — и пускал густые кольца дыма, улыбаясь во весь рот.

— А ну, дай другим посидеть на троне, — терпел его какой-то солдат.

В Зимнем Ерушев провел всю ночь. Почти до утра никто не сомкнул глаз. Всюду шли оживленные беседы. С нижних этажей доносились песни. Лишь перед рассветом Ерушев задремал, прихватившись у царского трона. Под головой лежала папачка, та самая, которая теперь выставлена в музее.

А вечером он был снова в Смольном, где проходило второе заседание съезда. Пришел сюда пораньше и сумел пробраться почти к самым подмошкам, сколоченным из свежих, еще пахнувших смолой досок. Вот-вот должен был появиться Ленин.

В начале десятого в зале раздался гром аплодисментов, кверху полетели шапки, матросские бескозыры. Ленин стоял у орманного стола, накрытого красным сукном, и все ждал, пока затихнет овация. Он вынул из жилетного кармана часы, посмотрел на них, дав понять, что время дорого. А потом заговорил о мире, о земле. Это были исторические минуты. Позднее, став известным художником, Ерушев запечатлел это событие на полотне. На картине Ленин изображен в момент выступления, кругом в зале солдаты, матросы, рабочие...

Так Ерушев впервые видел и слышал Ленина. А через несколько дней он снова увидел его и говорил с ним. Это произошло при таких обстоятельствах. Лежал Ерушев на своих нарах, ворочался к боку набок от бессонницы и вдруг услышал приглушенный стон. Поднял голову и ви-

дит: селся его по парам, бородатый солдат, ссадину на ноге рассматривает. Когда Ерушев молотобойцем в кузне работал, часто руки сбивал. Намазет, бывало, большое место горячим салом, и наутро снова здоров. И здесь он решил испытать этот способ. Солдат согласился. Кто-то дал кусочек сала, «лекарь» начал действовать. Вскоре он заметил, что все окружающие его люди как-то притихли. Оглянулся — Ленин.

— Что это вы, товарищ, делаете? — спрашивает он.

Ерушев от неожиданности растерялся.

— Тут, товарищ Ленин, собирая рязанца лечит, — наелся один из солдат.

— И как же вы лечите? — обратился к Ерушеву Ильич.

Тот доложил, что горячего сала на ссадину накапать — наилучшее средство, что, дескать, этому его еще в бурановской кузне обучили.

— Э-э, — укоризненно покачал Ленин головой, — так не годится. Ведь здесь не сельская кузница, а столица... Разрешите, товарищ, взглянуть на вашу рану, — обратился Ильич к потерпевшему. — Ого, как это вас угораздило? Немедленно к врачу! Да да, немедленно. Внизу имеется медпункт, там сделают перевязку. Знаете, как туда пройти? А лучше — идемте-ка вместе. Мне как раз по пути. Идемте, идемте...

И, взяв прихрамывавшего солдата под руку, Ленин повел его вниз.

Ерушев пробыл в Питере с неделю, а может чуть больше, охранял Смольный, патрулировал по городу. Но подошло время возвращаться в свою часть. В день отъезда в комнате, где вывалили проездные документы, собрался человек сорок. Тут был и солдат, которого он «лечил». У каждого за спиной вещевой мешок с продуктами, на плече — винтовка, а в руках пачка листовок с декретами о земле и мире. Ждал Ленин, который, как оказали, захотел попрощаться с отъезжающими. Вот, наконец, дверь распахнулась, и в комнату появился Ильич. Увидев солдата, которого он водил в медпункт, подошел к нему, спросил, зажила ли его нога.

Оглядев людей и заметив у них пачка листовок, сказал:

— Хорошо, что вас успели снабдить этим самым сильным, самым нужным сейчас оружием. Наши декреты должны дойти

до сердца каждого солдата, рабочего, крестьянина, должны привлечь на сторону революции миллионы людей... Но и это оружие, — он показал на винтовку, — берегите, не бросайте. Оно еще пригодится...

Поговорив с солдатами, Владимир Ильич попрощался со всеми за руку, пожелал счастливого пути.

Вскоре началась демобилизация старой армии. Ерушев поехал домой на Алтай. В Барнауле и других городах губернии все бурлило, хлопотало. Шли митинги, собрания, выбирали делегатов на губернский съезд Советов. Выбрали и Ерушева.

Земля в губернии была национализирована, но крупные землевладельцы, засеявшие в земствах, тормозили передачу ее в руки крестьян. Губсовет принял решение разогнать губернское земское собрание. Гаспущити земство было поручено Ерушеву. Когда он во главе группы губсовета пришел в земство, там как раз шло заседание чрезвычайного съезда. Именем Совета Ерушев прервал заседание и зачитал выдержку из протокола заседания губсовета о роспуске земского собрания. Земцы подняли шум и гвалт. Но посланцы Совета решительно предложили им очистит зал. Земцы были вынуждены подчиниться.

Вскоре был издан декрет о создании Красной Армии. Работая в губернском военном комиссариате, Ерушев формировал первые красноармейские отряды. Люди шли в армию с охотой, но с вооружением дело было из рук вон плохо. Хотели написать об этом в центр, но в это время было объявлено о созыве очередного съезда Советов, и Ерушев поехал в Москву в составе алтайской делегации.

Не думал, не гадал бывший солдат-фронтовик, что об оружии ему придется говорить с самим Лениным. А произошло это так. Перед отъездом председатель Барнаульского совета М. К. Папкин дал ему письмо с просьбой передать его Я. М. Свердлову, с которым он был знаком посылке. В один из перерывов он сумел передать письмо. Свердлов тут же стал читать его. Вургу за спиной послышался знакомый голос:

— Яков Михайлович, от кого получили весточку? — спросил Ленин.

— Да вот, Владимир Ильич, — сказал Свердлов, — товарищ привез мне привет из Барнаула.

— Вы с Алтая? — повернулся к

Ерушеву Ильич. — Как вы там живете? Как с хлебушком?

— Хлеба у нас много, Владимир Ильич, можем весь мир накормить... А вот оружия нет, — ответил Ерушев.

Ленин прищурился и, улыбувшись, спросил:

— Весь мир, говорите? Нет, это нам пока не под силу. Россию бы досыта накормить. Вот задача!

Неудобно стало Ерушеву за необдуманый ответ.

Помолчав секунду — вторую, Ленин спросил:

— А что у вас с оружием? Ерушев сообщил, что почти нечем вооружать новые формирования, кроме берданок, нет ничего. Винтовочек бы, дескать, нам, да пушек хотя бы с десятком полчуть. Со снаряжением тоже скверно. Командиры отрядов дали ему наказ с пустыми руками не возвращаться.

Ленин на минуту задумался, потом, решительно махнув рукой, сказал:

— Дадим!

И, обернувшись на сторону Свердлова, добавил:

— Яков Михайлович, хоть у нас туго с этим, но Алтай нельзя оставить без оружия. Сделайте соответствующее распоряжение.

По возвращении на Алтай вместе с т. Бадаевым — уполномоченным ЦК по продовольственным вопросам — Ерушев занимался заготовкой хлеба для центра.

Трудностей в этом деле было много: тут и саботажи кулаков, и предательство белых офицеров, обманым путем пристроившихся в железнодорожную охрану, и нехватки подвижного состава для вывозки хлеба. Однако задача была выполнена: в Москву и Петроград пришло несколько вагонов с алтайской пшеницей.

А когда началась гражданская война, Николай Васильевич одолжил свою солдатскую папку и пошел в Красную Армию. Боевал в армейских частях и в партизанских отрядах. Когда была завоевана победа, отпросился в Москву в институт, окончив который, стал художником.

...Николай Васильевич сложил документы, завязав тесемочкой альбом. Да, свидетелем многих больших и важных событий Октября был он — один из многих борцов за победу дела трудящихся.

М. ЛИСЕННОВ.